

Юлия
ГЕРАСИМОВА
 г. Петрозаводск

БАЛТИМОРСКИЕ КАНИКУЛЫ

1

— Хотите летом подзаработать, а потом отдохнуть на море?

- Конечно, хотим!
- Нужен взнос четыре тысячи на билеты, санитарная книжка и желание работать.
- Желание работать всегда есть, а что делать надо?
- Собрать огурцы для компании «Балтимор».

Нас собралось человек двадцать пять. Двадцать девчонок и пятеро парней. Или не пятеро, чуть больше. Не помню уже, не суть. Старшему, Вове, нашему главному, было двадцать три, мне, самой старшей девочке, – двадцать, самой маленькой едва исполнилось восемнадцать. Дети! Провожали всем Петрозаводском. Первый за долгие годы стройотряд Карелии! Футболки дали белые, фирмовые. Телевидение! Высокопоставленные лица! Мотивационные речи! «Вы, – говорят, – возрождаете традицию стройотрядов! Вы – первые!» И что-то типа «не подведите, страна и партия в вас верят!»

Поехали. Весёлые, полные надежд и ожидания хорошего. Мы сами!

Помню, пришла к папе, студентка, и говорю: «Па-

па, дай денег на взнос. Я все отдам. Заработаю, на море съезжу и отдам». Папа дал и сказал, что можно не возвращать если что.

Пели песни. Вовка взял с собой гитару, и дорога превратилась в веселый кутеж. Слегка одурманенные свободой и взрослой жизнью, приехали в Краснодар. Нас встретила милая девушка из Центра «Каникулы».

- Здравствуйте, Петрозаводск?
- Да!
- Скажите сразу, что вам наобещали? – спросила она.
- Ну как что, убирать огурцы в компании «Балтимор», жить в лагере, комнаты по шесть-десять человек, речка, магазин и работа с утра до обеда, а потом вечером. А что?
- Да так, ничего. Москвичи вчера от нас уехали и недели не проработав. Джакузи, видите ли, у нас нет.
- Ну, то москвичи, а мы-то люди неизбалованные, привыкшие к суровым условиям, Карелия же!
- Ну, хорошо. Поехали. Только сначала надо на рынок заехать, купить питьевой воды. Много. В лагере её нет.

Ну, о'кей. Хотя странно, конечно. Купили воды. Ждали автобуса. Очень долго. Приуныли. Вовка достал гитару и начал петь. Мы подхватили и приободрились. Чё это раскисли? Первое препятствие и сдулись?

Пришёл пазик. Мы погрузились и поехали.

– Ребята, – сказала девушка из «Каникул», – магазина в лагере нет, и речки тоже. Но все есть в поселке.

– А поселок где?

– В 25 километрах.

Нас начали терзать смутные сомнения. Как так? Говорили же другое. Ну ладно, посмотрим.

Приезжаем. Впереди КПП. На нем вооружённые люди. «Не бойтесь, это охрана». Ничего себе охрана! От кого так охранять? Или кого?

– Выходите из автобуса. Мы должны досмотреть ваши вещи.

– Да вы что?! На каком основании?!

– Чтобы вы не провезли сюда что-нибудь опасное.

Девочка с юрфака, дочка известного в нашем городе человека, заорала, что покажет «ментовскую ксиву», на что ей спокойно указали, куда она может ее засунуть. Вещи досмотрели и забрали все спиртное. Народ повозмутился, но уже вяло.

Нас впустили на территорию. Высокие стены с колючей проволокой. Огромные прожектора на крышах корпусов и КПП. Вооружённые люди в форме. Неприятное ощущение «зоны». Да, не это мы ожидали увидеть, когда предвкушали первые заработки и возрождение стройотрядов.

* * *

Было уже поздно, около 11 вечера. Нам выдали матрасы и белье и распределили по корпусам, всех в разные. Нас, нескольких девчонок, направили в женский корпус. В коридоре не было света. Мы зашли в комнату – человек шестьдесят. Не меньше. Кто уже храпел, кто разговаривал. Я прошла между рядами двухъярусных кроватей, выбирая место.

– Ложись сюда, – сказала мне женщина с неприятным лицом, – как звать?

– Юлия, а вас?

– Галина.

Я разложила матрас на второй полке, постелила белье. Легла. Огляделась вокруг – женщины были немолодые. Некоторые уже в солидном возрасте. Все загорелые до копоты. Грязные? Или показалось? Некрасивые. Злые. Мой взгляд остановился на женщине с редующими волосами и струпьями на коже. У нас просили санитарные книжки? Серьёзно? Я поежилась и завернулась в одеяло. Спать. Завтра первый день работы.

2

– Ах ты паскуда! Дрянь! Это мой мужик!

Я проснулась и резко села на кровати. В нескольких метрах две нетрезвые женщины, громко матерясь, выясняли отношения. У одной в руке был маленький ножик. На вопли прибежала охрана, дерущихся увели. Доброе утро!

* * *

Помятые после первой тревожной ночи, мы собрались у корпуса. Настроение у всех было подавленное, кто-то из девочек откровенно ревел. Мне тоже было невесело. Вовка сказал, что у мальчишек старшие отобрали сигареты, деньги и еще какие-то вещи. Дедовщина. Оказалось, что многие работники недавно вышли из мест не столь отдаленных, у кого-то совершенно нет жилья, и большую часть года они живут на улице, перебиваясь приработками. Судя по разговорам, самый приличный корпус, где ночевал Вова, – семейный. Там было тихо, по крайней мере, никто ничего не «отжимал». Жили пары, приехавшие на работу.

* * *

Посоветовавшись, как быть дальше, решили осмотреться получше и хотя бы переехать в семейный корпус, чтобы держаться вместе. Вова пошел к директору. Директором оказался маленький мужичок с громким голосом, чёрными усами и характерной фамилией Мороз. Вове он не обрадовался: только приехали, а уже жалуетесь! Он был против селить нас в один корпус – вы охренели?! Это что же там у вас будет твориться? Дом-2? Но в итоге разрешил и дал отгул до обеда уладить всю бытовуху.

Мы обрадовались и устроили переезд! Хотя бы вместе, а там не пропадем! В обед узнали, что с нами живут ребята из Татарстана. Они так же, как и мы, приехали от центра «Каникулы» и обалдели. Но никто не ревел, не жаловался. Они были на удивление спокойные, весёлые, держались своей компанией очень сплоченно. Да, тяжело, но уезжать никто не думал! «Привыкли, – сказал высокий, смуглый парень с черными глазами. – Вы тоже привыкнете».

* * *

Приободренные, после обеда мы вышли на работу. Точнее, выехали. Нас погрузили в пазик и повезли в поля. Представляете себе час пик и автобус, которого около часа ждали на остановке? Так вот это хуже! Казалось, этот пазик резиновый! Мы набились в него, как скот, руки-ноги торчали в окна, нечем было дышать! Ладно, чай не впервой! Ехали мы прилично, полей у «Балтимора» было много. Остановка. Выходим. Нас встречает бригадир, молодой парень в заляпанном комбинезоне.

– Вот ваше поле. Собираем помидоры черри. Умеете их собирать?

– Нет. Мы думали, огурцы...

– А оказалось помидоры. Так вот. Берем аккуратно и откручиваем, чтобы не треснули. И не бросаем, а так же аккуратно кладем в ящик. За день нужно собрать хотя бы один. Понятно?

– Понятно.

– Треснутые не приму.

Нас распределили по двое на грядку, и начался помидорный ад. Маленькие и зрелые черри лопались чуть ли не от взгляда, поэтому делать все приходилось очень медленно. Руки скоро начали зудеть от помидорного сока. Через пару часов спина не разгибалась. В первый день не набрали и ящика! Бригадир был недоволен.

Вечером мы снова собрались все вместе с гитарой на психологическую разгрузку. Девчонки стояли с заплаканными лицами, парни были хмуры. Наши иллюзии разбились! Еще только первый день, а уже неважно! Кто-то сказал: надо уезжать, как москвичи. Посоветовавшись, решили, что Вова позвонит с утра в наше министерство и постарается решить вопрос, как нам быть дальше. «А пока давайте попоем песен и поиграем», – Вовкин оптимизм воодушевлял и удивлял одновременно. Он был вожатым со стажем и сейчас старался приободрить нас, как своих маленьких подопечных. Уже не помню, во что мы играли, но стало весело. И шумно. Поэтому из корпуса вышли старшие, пообещали дать люлей, если не разойдемся, и мы пошли спать. Так закончился первый рабочий день.

* * *

На следующее утро мы опять вышли в помидорное поле. И на следующее тоже. Автобус забирал нас в 7 утра. К 11 пекло так, что на наших спинах можно было жарить яичницу. Через пару дней у меня на поясице, где задирались рубаш-

ка, образовался огромный прозрачный пузырь. Он лопнул и нестерпимо болел. Руки у нас распухли, зудели и были зелеными, как у Халка. Ящики набивались медленно. Если было много треснутых помидоров, бригадир отправлял их в брак и за них почти ничего не платили. Не помню, кстати, сколько была норма, как-то намного меньше, чем нам обещали. Время от времени, пока бригадир уходил на другие поля, мы уползали в тень от подсолнухов.

Помню, лежим под подсолнухом, а Танюха пишет маме эсэмэску: у меня все отлично, лежу под пальмой! Господи, вот это оптимизм и сила духа! «А зачем маме правду писать? Только волновать зря».

Мы тогда разделились на два лагеря. Кто-то ныл, хотел домой, откровенно не справлялся и писал родителям ужасающие эсэмэски. Родители, естественно, не находили себе места. Отправили детей, называется! К ээкам! А кто-то старался справиться. Ржал, пел песни, писал домой, что все отлично. Потому что они там, а мы здесь, и надо как-то самим, как взрослым. Взрослые – это мы.

А что же министерство? Вова, как и обещал, позвонил наутро. Ему сказали, что сделать ничего не могут. Центра «Каникулы» на самом деле нет, это шарашкина контора. Вагон для нас взять никак, он будет только в сентябре. Поэтому, ребята, держитесь там. Страна и партия в вас верят. Так что пришлось остаться. Впереди было пять недель помидоров черри, туалетов с крысами, солнечных ожогов и матюков бригадира. Взрослая жизнь, вот и мы!

Казалось, безысходность накрыла нас с головой, но через пару дней Вова объявил, что нашел место гораздо лучше этого, где мы сможем продержаться до сентября, – совхоз «Садовод» в Тимашевске! Так что всего пять дней, и нас ждет новая жизнь! Мы приободрились и с песнями стали работать и ждать.

3

Может показаться, что ничего хорошего в тех каникулах не было или оно не запомнилось. Это не так. Впечатления ложились яркими мазками – никаких полутонов! Так же четко я помню, как однажды сломался автобус и нам пришлось идти с работы пешком. Представьте: широкие поля, между ними размытая дорога, вечернее солнце уже не жарит, воздух после дождя золотой, и мы идем домой, в лагерь. Помню сильный Юлин голос, как она запевала, а мы подхватывали хором. «Замыкая круг, ты назад посмотришь вдруг». Еще помню пес-

ню, которую мы сами придумали на мотив песни «Город-сказка» группы «Танцы минус»: «Поле – сказка, поле – мечта, попадая в эти грядки, пропадешь навсегда». Весело было. А потом у Иры был день рождения, и мы сделали импровизированный торт: сорвали голову подсолнуха, повтыкали в нее спичек и, погасив свет, спели «С днем рожденья тебя!». Наша дружба, которая тогда зародилась, была дороже всех сокровищ на свете. Мы стояли друг за друга горой и пошли бы в огонь и в воду!

Но все эти воспоминания меркнут по сравнению с увольнительной!

Увольнительная стала вишенкой на торте нашего пребывания в «Балтиморе». Дембельским аккордом, так сказать.

Мы отработали, как положено, пять дней и перед отъездом в Тимашевск попросили увольнительную в станицу – искупаться. Мороз, хоть и не очень был нами доволен, отпустил. И вот мы воскресным утром вышли за ворота лагеря. Сами! Не на работу! Казалось, за эти стены не выбраться никогда и мы так и умрем рабами «Балтимора». Но нет! Вот она, свобода! Манящая, дурманящая и обещающая приключения!

Станица была в 25 км, и мы решили разбиться парами-тройками и поехать туда автостопом. Старались взять в девичью компанию хотя бы одного парня для безопасности. Парней катастрофически не хватало! До этого я автостопом не ездила никогда, и мне было страшно – мало ли у кого что на уме! Но девчонки были увереннее и, несмотря на мои протесты: «я в эту машину не сяду!», с двумя пересадками мы за пару часов добрались до речки.

Место было отличное! Большая поляна, окруженная деревьями, на самом берегу! Рядом автобусная остановка, магазин. Что еще надо?! Мы разложили покрывала и предались отдыху. Кто загорал, кто купался, пели песни, попивали пиво – счастье!

На шум большой компании пришли местные – еще бы, такой малинник, девчонок у нас было значительно больше, чем парней. Кто-то из девочек пошел на контакт. Местные вели себя дружелюбно. Познакомились, подсели к нам, угостились пивом. А потом ребятам захотелось романтики – лето, молодость – и они пошли с нашими девочками кататься на катамаранах. Все уже были слегка навеселе, а кто-то и не слегка. В итоге один катамаран перевернулся. Девчонки с воплями полетели в воду. Мы, оставшиеся на берегу, бросились спасать! Шум, суматоха, одна девочка чуть не утонула, еле успели ее вытащить из-под катамарана!

Но это оказалось только началом приключений! Пока все отвлеклись на спасение утопающих, случилось еще кое-что.

– Ребята, у меня пропали все деньги! – Марина стояла посреди поляны с открытым кошельком.

– Что? Какие деньги?!

– Все, что у нас было с сестрой на отпуск – 6 тысяч.

Среди гула голосов: «Как же так?», «Зачем ты взяла все деньги?», «Кто ж хранит все в кошельке» и иных слов сочувствия и поддержки кто-то крикнул: «Это местные! Свои точно не могли!» Все молча уставились на местных. «Это не мы!» – стали оправдываться парни. Но им никто не верил. «Ага, сейчас, не вы, – воспользовались случаем и стащили! Ну-ка, гоните назад!» – девчонки накинулись на местных. Вова, старший и присматривающий за всем нашим курятником, попытался разрулить ситуацию, видя, что дело неминуемо идет к драке.

Уже не помню, что он им наговорил, помню только, как он в плавках бегал между деревьев вокруг поляны, нарезая круги, чтобы не упустить нас из виду, а пара крепких парней бежала за ним. Вовка бегал хорошо, и потому они не могли его догнать. Но сколько это может продолжаться? В конце концов, Вовка устанет, и они его побьют! Этого нельзя допустить! И мы вызвали полицию. Приехал наряд. Местные разбежались. Полицейские собрали нас в кучу и велели уматывать, и побыстрее. «Если сейчас соберутся все, а на это надо минут 15, не больше, вам хана! Мы ничего не сможем сделать! Так что валите подорожников!»

А как нам свалить побыстрее? Никак! Мы автостопом ехали. Полицейские очень удивились нашему безрассудству и отваге – приехать автостопом за 25 км и нарваться на местных! Но нас не бросили. Вова позвонил директору лагеря Морозу и попросил прислать за нами автобус. В воскресенье. Вечером.

Ждали автобус мы очень долго – час или два. Сидели на остановке, а рядом полиция с мигалками. Пазик пришел почти ночью. Мы поблагодарили полицейских и поехали в лагерь. Мороз встречал нас на КПП и лютовал. Столько мата я не слышала никогда в жизни! Но мы готовы были не то что простить ему мат, мы готовы были его расцеловать! Вечером в воскресенье он приехал на работу, нашел где-то автобус и отправил за нами! Вот это поступок! Счастливые, что все хорошо закончилось, мы отправились спать. Завтра – переезд! Завтра – новая жизнь!

4

Мне было двадцать, ему пятнадцать. Его звали Юрка, для остальных Квак, и он столько повидал на своем веку, что и не представить. Он рисовал потрясающие картины моей косметикой и дрался из-за меня со старшими. Рассказывал, как вскрывал ларьки и ночевал под мостом, как дышал клеем и ездил на крыше трамвая целыми днями, по приколу. А я слушала каждое слово, верила его умным зеленым глазам и вешала на стену нарисованные помадой картины. Мы по-настоящему дружили. Он был из Краснодара, а я из Петрозаводска. Мы жили по соседству в Тимашевске, в корпусах когда-то всесоюзно известного совхоза «Садовод» – мы в студенческом, а он вместе с другими такими же ребятами в корпусе спецшколы.

Когда мы только въехали, это соседство нам не понравилось. Парни-уголовники! Хуже не придумаешь! Воспитатели сразу пришли к нам и предупредили – малых к себе не пускать, телефоны и остальные ценные вещи прятать, иначе сопрут. «И не жалуйтесь потом – предупреждали».

Парни-уголовники пришли знакомиться в тот же вечер. Мы с опаской пошли на контакт, но решили, что узнать соседей поближе все-таки стоит.

– А можно я вам картину нарисую? Помадой. Я хорошо рисую.

– Помадой? Рисуй. А как тебя зовут?

– Квак.

– Это не имя, это прозвище. Имя же есть у тебя?

– Юра.

– А почему Квак?

– Потому что Легошин.

Так мы познакомились. Он приходил каждый день. Рисовал, рассказывал истории. После дневной работы приносил мне что-нибудь из сада или поля. То помидоров наберет, таких спелых, что аж сладко, то огромных сочных персиков, то дынь. Вечером мы ходили все вместе на танцы. Мы – девочки педагоги-психологи, и они, трудные подростки, педагогически запущенные.

* * *

Через какое-то время парней стали отпускать с нами в город в увольнительные. Однажды мы пошли в сельский магазин, и Юрка нашел недалеко от магазина на дороге кошелек. В нем оказались деньги. Юрка обрадовался.

– Я вам сейчас столько всего накоплю! (Он ко мне обращался только на вы, как я с ним ни воевала.)

– Юр, спасибо, конечно, но я не возьму. Это чужие деньги. Их надо вернуть.

– Как вернуть? Я же их нашел!

– Юр, их, скорее всего, потерял кто-то, когда шел из магазина. Вдруг это старая бабушка, у которой здесь вся пенсия, или ребенок, которого родители отругают за то, что деньги потерял. Надо отдать продавщице. Владелец кошелька найдется. Это не твое, Юр.

Юрка опечалился, но кошелек отдал.

– Ты молодец, правильно поступил.

Купила ему чупа-чупс в утешение. Он всю дорогу обратно молчал, а потом говорит: «Да, вы правы, так и нужно было сделать».

Сейчас я понимаю, что мальчишке, фактически живущему на улице (после спецшколы он, скорее всего, вернется туда), не до морального выбора. Для него это подвиг – отдать деньги, которые нашел. Ему важно выжить, ему не до сочувствия и справедливости. Но разве не это делает нас людьми и заставляет быть лучше? Первый шаг из того мира – отдать найденный кошелек. Юра мне поверил, и, надеюсь, тот поступок сделал его лучше в его же глазах.

* * *

Мы много времени проводили вместе. Давали этим мальчишкам свои телефоны, ходили на речку купаться, уплетали добытые дыни за обе щеки, впускали в комнаты и ничего не прятали. Мы впускали их в свою жизнь, а они нас в свою. И ничего не пропало. Такие чудеса творит настоящая любовь. Когда доверяешь человеку, смотришь на него широко открытыми глазами и видишь не только плохое, но и хорошее. Когда веришь, что он лучше, даже если он сам уже не верит.

* * *

Потом, когда мы уезжали, Юрка бежал за автобусом, пока были силы. Со всех ног бежал. А я сидела у окошка и плакала. Знала, что тонкая ниточка дружбы, завязавшаяся между нами, оборвется. Он не будет мне писать и звонить. Последнюю эсэмэску я получила в поезде – «Желаю хорошей дороги. Буду скучать».

Когда тебе двадцать, веришь в лучшее, в то, что можешь изменить мир. И меняешь его. Здорово не растерять это и в тридцать, и в сорок, и в семьдесят.

5

По сравнению с «Балтимором», в Тимашевске, конечно, была лафа. Никакой закрытой территории, полная свобода. Комнаты по 5-6 человек и работа в саду. «Слава победителям» это вам не черри! Да, физически нелегко поначалу весь день лазать по яблоням с ведрами туда-сюда, но привыкаешь быстро. Даже огромные деревянные ящики таскать научились. Платили и там немного – рублей 60, что ли, за ящик. Поселок был совсем рядом, магазин и речка тоже. Танцы вечером. Не жизнь – малина! Но и тут мы нашли приключения!

По соседству, кроме ребят из спецшколы, жили детдомовские и кадеты. Детдомовские себя не проявляли особо, а вот с кадетами было весело. Главным у них был «Эт самое». Не помню уже имени, но он всегда вворачивал в разговоре эти словечки. «Эт самое» пришел к нам сразу по приезде и рассказал об их житье-бытье. Оказалось, что по ночам кадеты выставляют караул и патрулируют лагерь с автоматами. Естественно, автоматы не стреляли, но выглядели как настоящие. Для чего они это делали, непонятно, видимо, для дисциплины, но по факту защищать нас с «оружием» было не от кого.

Нашим мальчикам эта идея очень понравилась, и они попросили «Эт самое» тоже брать их в дозор. И все бы ничего, пусть развлекаются! Но после ночи без сна на работу никто из дозорных выйти не мог – мы ж вас охраняли, теперь спать хотим! И, естественно, оставались в лагере. Это, в свою очередь, внесло разброд и шатание в наши ряды. Народ увидел, что можно не работать, палками в сады никто выгонять не будет, и предался отдыху. В итоге к концу недели нас работало из двадцати человек пять-шесть.

Директору «Садовода» с говорящей фамилией Зима (это, видимо, была наша северная карма, не иначе!) такой расклад не понравился, и она решила выставить нас вон. Куда? Да хоть на вокзал! Не волнует! Живёте и едите все, а работают пятеро!

Да, проблема! Дошлились с автоматами! Собрались мы, самые активные, на совет и решили отправить на следующий день Вовку к Зиме на переговоры. Скинулись деньгами на конфеты и коньяк: «Вова, делай что хочешь, но уговори ее оставить нас в лагере!»

Было у него и еще одно дело – забрать платёжные документы в «Балтиморе». Мы так быстро уволились оттуда, что даже расчет не получили.

Наутро Вова красиво оделся, взял коньяк и конфеты и уехал, а мы проводили его и отправились на работу.

Приезжаем в обед, а в лагере переполох! Окажется, пока мы были на работе, а Вова на переговорах с Зимой, в лагерь пришли местные и стали приставать к нашим девочкам. Девчонки ответили, чтоб те катились туда, откуда пришли, местным это не понравилось, и началась потасовка. Казалось бы, вот он, шанс дозора! Но нет, все дозорные оказались в это время на речке – день же! В итоге вступить за девчонок смогли только кадеты, мальчишки-школьники. И слава богу, что никто не пострадал, но от «Эт самое» нам потом влетело здорово.

Мы, пятеро вернувшихся с полей, были в ярости! Да как так! Мало того что мы, девчонки, кормим всю компанию, так эти лбы еще и не в лагере! Все шло к драке уже между своими. И тут к делу добавились новые материалы, после чего мы пришли к выводу, что нас снимают в телешоу, не иначе!

Вова съездил в город, забрал платежки в «Балтиморе» и сумел-таки договориться с Зимой, чтобы нас оставили при условии, если все будут работать. С задачей он справился прекрасно, но организм его подвел. Выпитый за переговорами коньяк дал о себе знать, и Вова, сморенный полуденным зноем, заснул в парке. В это время кто-то из наших девчонок отправился в город на рынок, где и обнаружился мирно спящий на скамейке Вова. Документы выпали из пакета и валялись в траве. Один лист дожевывала коза!

Каким-то образом девчонки отобрали у козы документы, сложили бумаги, погрузили Вову в такси, благо стоило оно как маршрутка, и приехали в лагерь. А там такое!

Парни катят бочку на Вову, какого лешего он так перестарался на переговорах, а мы на парней, почему их не было в лагере, когда надо было вступить за девочек. В общем, чуть не подрались тогда. Помню, сцепилась с одним из наших, что это не по-взрослому так себя вести, как дети малые, ей-богу, лишь бы не работать.

Но все в итоге обошлось, как – непонятно. К вечеру Вова протрезвел, все друг перед другом извинились и выяснили, что документы целы, разве что коза съела Вовину платежку.

В понедельник все вышли на работу.

6

Август стремительно близился к концу, каникулы строгого режима тоже. Наступил последний день в Тимашевске, и мы отправились на море. Ведь ради этого все и затевалось!

Тут возникла одна проблема. Мы почти ничего не заработали. Больше всех заработала Ира, тысячи полторы. «Я все детство провела в деревне, каждое лето на клюкве, так что привыкла работать», – пояснила она. Мы же, городские и непривыкшие, заработали рублей по 500-600. Этого было катастрофически мало, чтобы снять хоть какое-то жилье, тем более на 20 человек.

Но у нас был Вова! Он всегда находил выход. Вот и сейчас в Веселовке, прямо на побережье он нашел базу, где нас согласились пустить в самые простые домики. Деньги ушли на это почти все, но что еще надо в 20 лет? И вот мы переехали на море. Впереди целых пять дней! А потом домой.

С утра до вечера мы тусовались на бесконечном, уходящем к горизонту пляже, время от времени бегая в сельский магазин. Денег почти не было, и мы покупали пару пирожков с капустой или сникерс на весь день. И этого хватало! Наши молодые, поджарые тела довольствовались этим и наслаждались теплой солёной водой, мягким песком и ласковым солнцем. За каникулы мы превратились в прекрасных дикарков с крепкими мускулами, бронзовой кожей и выгоревшими на солнце волосами. Во главе с Вовой.

После всех событий в «Балтиморе» и Тимашевске мы расслаблялись, кайфовали и думать не думали, что впереди нас ждет еще одно приключение.

В последний день отпуска каждый был занят чем-то своим важным. Кто-то ушел на пляж провести несколько часов наедине с морем, кто-то отправился в деревню закупиться домашним вином, кто-то собирал ракушки на дальних скалах рядом с границей. Все разбрелись. Времени оставалось немного, ведь в 16.30 поезд умчит нас на север. Сначала в Москву, а потом и в Петрозаводск. Я паковала вещи.

– Вова, дай мне, пожалуйста, мой билет.

– Зачем? Я всем раздам билеты перед поездом, чтоб никто ничего не потерял.

– Ну вот всем раздай перед поездом, а мне сейчас. Я не потеряю.

– Ладно. И зачем тебе?

Но билет он мне всё-таки отдал.

– Вова, а во сколько у нас сегодня поезд?

– В 16.30. Из Туннельной.

– А вот и нет! В 15.30!

– Да ладно!

– Сам посмотри!

– А сейчас сколько?

– Начало третьего.

Я никогда не видела, чтобы люди так бегали, разве что в шоу Бенни Хилла. Суэта поднялась страшная! Вова позвонил водителю автобуса и попросил его отвезти нас на вокзал на час раньше. Водитель ответил, что очень постарается, но вряд ли успеет.

Я побежала предупредить всех о том, что через полчаса мы должны уезжать, но не тут-то было! На базе почти никого не осталось. Обзвонить было невозможно. Денег на телефонах не было уже почти ни у кого, да и связь в Веселовке ловила, только если залезть на крышу.

В итоге каким-то чудом удалось всех собрать и сообщить прекрасную новость, что у нас есть все шансы не уехать сегодня домой. Это известие придало всем такого ускорения, что, когда автобус ввалил в ворота базы, пыль еще не успела улечься, мы уже погрузили вещи и уселись по местам.

С водителем нам повезло. Он прочувствовал весь драматизм происходящего и гнал пазик во всю прыть. Но от Веселовки до Туннельной далеко, и в дороге может случиться что угодно. Так и вышло. Недалеко от Анапы мы встали в пробку.

Только не это! Я посмотрела на часы – 15.15. И ничего нельзя сделать.

От осознания невозможности что-то изменить восприятие меняется. Все происходит как в замедленном кино. Время течет так медленно, что его ощущаешь почти физически!

Помню, как водитель объезжал пробки, как нас подкидывало на поворотах, как въехали в Туннельную и вдруг остановились. Шофер спрашивал у кого-то, как проехать на вокзал... Почти 15.30...

А дальше все происходит с удвоенной скоростью. Как только автобус остановился на вокзале, мы с чемоданами и сумками рванули к поезду. Он уходил с дальней платформы, и бежать надо было через мост. По громкоговорителю уже объявили отбытие. Ступеньки вверх, мост, ступеньки вниз. Божечки, как тяжело! Кто-то рядом проклинал себя за то, что положил в сумку домашнее вино – лишние килограммы!

Поезд медленно тронулся.

Мы бросали чемоданы в последний вагон и запрыгивали сами. Успели. Все!

Молодой кареглазый проводник, затаскивая последних пассажиров почти за шиворот, удивлялся, откуда мы такие взялись. Мы рассказали ему о приключениях, и он до того растрогался, что разрешил нам спать под одеялами, не покупая белье. Денег на это попросту не было.

Потом была Москва. Красная площадь в перерыве между вокзалами. Помню, позвонила домой:

- Папа, я на Красной площади!
- Здорово! Мы тебя ждем. Что хочешь, чтобы приготовили на ужин?
- Пельмени из магазина!

Вот такие простые желания.

Больше ничего особенного не произошло. На мурманский поезд мы не опаздывали. Только вот проводник оказался злыдня, сказал, что наши проблемы его не волнуют, и забрал у нас ночью одеяла, хотя платить за белье было нечем.

В Петрозаводске нас встретили тихо, без лишних эмоций – приехали, и слава богу. Никаких лозунгов, ковровых дорожек и СМИ. Первый стройотряд Карелии вернулся домой. Позорно?

Для меня это лето стало одним из лучших в жизни. И точно первым взрослым. Пришлось брать ответственность, принимать решения, работать и зарабатывать, уживаться и ладить друг с другом. Решать проблемы. Думаю, для моих подруг все было так же. Весёлое приключение. Выход во взрослую жизнь. В тех условиях мы увидели и почувствовали, кто есть кто.

Друзья удивляются, как детально я все помню. Да, прошло восемнадцать лет, а я, как сейчас, вижу смеющиеся лица, напеваю наши песни, с улыбкой оглядываюсь и думаю – жаль не повторить.

Юлия Ивановна ГЕРАСИМОВА

родилась в 1983 году в Петрозаводске.

Окончила факультет политических и социальных наук ПетрГУ.

Работала проектным менеджером в ПетрГУ, преподавала.

Была координатором нескольких международных проектов

и социологических исследований.

В журнале «Север» публикуется впервые.

